Раздел 3
НАДЖИБУЛЛА. ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ

Мухаммад Наджибулла

М. Наджибулла вошел в афганскую историю последних десятилетий XX в. как один из самых заметных партийно-государственных деятелей. С его именем связан период упорных усилий кабульского леводемократического режима по поиску компромиссов с вооруженной антиправительственной оппозицией с целью установления мира и согласия на истерзанной многолетней гражданской войной земле Афганистана. Судьба его оказалась весьма трагической. И чем дальше в прошлое уходит то страшное время, тем все ярче, несмотря на все потуги его недругов очернить его имя, предстает в памяти народной этот незаурядный государственный деятель, истинный патриот своей родины и мужественный по натуре человек, тем привлекательнее и более справедливым, по сравнению со всеми последующими правившими в стране режимами, выступает в общественном сознании та государственная система, которую он олицетворял и пытался строить.

Наджибулла родился 6 августа 1947 года в Кабуле в семье состоятельного государственного служащего, известного авторитета среди некоторых пуштунских племен Ахтара Мухаммада. По национальности – пуштун-гильзай из клана ахмадзаи племени сулейманхейль. Его семейные родовые корни находятся в провинции Пактия. До 1987 года он был более известен по партийной кличке Наджиб.

После окончания в 1964 году лицея «Хабибия» поступил на медицинский факультет Кабульского университета. В 1965 году вступил в НДПА. Входил в руководящее ядро действовавшей в университете подпольной партийной организации НДПА. С августа 1971 года являлся членом руководящих органов легальной Ассоциации студентов Кабульского университета. Будучи студентом, принимал активное участие в массовых антиправительственных выступлениях столичной молодежи. Печатался в газете «Парчам» (1968-1970 гг.). При монархическом режиме дважды подвергался тюремному заключению. На судебном процессе в 1969 году он обвинялся в «участии в противозаконных забастовках и демонстрациях», «нарушении общественной безопасности и нагнетании напряженности», «провоцировании беспорядков и столкновений с полицией», а также в «создании условий для призыва народа к восстанию». На этом процессе он выступил с блестящей защитительной речью, чем завоевал симпатии среди радикально настроенной афганской молодежи. Второй раз был арестован в январе 1970 года за участие в антиамериканской демонстрации, состоявшейся в Кабуле в связи с визитом в страну вице-президента США С. Агню. Наджибулле было предъявлено обвинение в оскорблении США и американского флага, в действиях, «противоречащих политике нейтралитета Афганистана».

У Наджибуллы был свой путь в революцию. По его собственному признанию, он вступил в ряды демократического движения не ради карьеры и славы, а по глубокому убеждению принести добро своему народу, избавить его от нищеты, несчастий и многочисленных несправедливостей жизни и быта. Это свое убеждение он с юношеским пылом отстаивал перед судьями, когда в 1969 году оказался на скамье подсудимых за участие в студенческих волнениях. «На борьбу нас подвигли, – говорил он тогда, – не какие–то выгоды и личная корысть, а страдания и нищета подавляющего большинства народных масс страны и осознание причин и корней всего этого, безработица и безысходность сотен тысяч наших сограждан, нещадная эксплуатация тысяч и тысяч людей труда, угнетение миллионов человек в нашей стране и многое другое».

В 1975 году он окончил Кабульский университет и, получив диплом врача–гинеколога, некоторое время работал в лечебных учреждениях столицы. В конце указанного года по решению ЦК НДПА (Парчам) возглавил кабульскую провинциальную комиссию партии по созданию в столице и провинции организационных структур (ячеек

и комитетов) Демократической организации молодежи Афганистана. В июле 1977 года на объединительной конференции партии был избран членом ЦК НДПА.

После победы апрельского вооруженного восстания 1978 года был введен в состав Революционного совета ДРА и в течение двух месяцев (до 28 июня) являлся секретарем Кабульского горкома НДПА, а затем направлен послом ДРА в Тегеран. 27 ноября этого же года, в соответствии с решением пленума ЦК НДПА, был исключен из рядов партии и снят со всех государственных постов по обвинению в «активном участии в преступном антипартийном, антигосударственном и контрреволюционном заговоре". До декабря 1979 года проживал в Югославии на положении политического эмигранта.

Со сменой руководства страны в конце декабря 1979 года возглавил службу государственной безопасности – ХАД (Служба государственной информации). На этом посту он показал незаурядные организаторские способности и решительность в борьбе против террористических и диверсионных акций вооруженной антиправительственной оппозиции. За заслуги перед государством был удостоен многих высших правительственных наград. Ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. Вместе с тем почти шестилетнее руководство карательно-сыскным государственным органом не только не прибавило авторитета Наджибулле в глазах широкой афганской общественности, но, наоборот, существенно подорвало его из-за непосредственной причастности к расправам над политической и военной оппозицией режиму. Следует отметить, что и сами органы государственной безопасности, как бы они ни назывались, никогда в Афганистане не вызывали особых симпатий среди населения.

Сентябрь 1969 г. Наджибулла (второй слева) среди заключенных и охраны в камере тюрьмы кабульского провинциального полицейского управления. Четвертый слева – Мухаммад Исмаил Махшур, арестованный вместе с Наджибуллой по обвинению в участии в антиправительственной демонстрации.

Возглавляя службу безопасности Афганистана, Наджибулла, даже при предвзятом подходе к его деятельности на этом посту, никогда не прибегал к актам массового террора и зверствам в отношении воинственных противников режима, хотя твердо и последовательно боролся с ними. Вместе с тем он во избежание неоправданных жертв и во имя быстрейшего прекращения гражданской войны в Афганистане широко использовал свои возможности руководителя ХАДа для установления контактов с лидерами воору-

женной оппозиции, деятелями политической эмиграции, окружением экс-короля Захир–шаха и афганской деловой диаспорой за рубежом. По некоторым данным, служба безопасности, руководимая Наджибуллой, поддерживала контакты чуть ли не с половиной афганских полевых командиров.

В июне 1981 года, он по образу и подобию принятой в СССР структуры партийно-государственного руководства, был введен в члены политбюро ЦК НДПА. Все годы пребывания на посту руководителя ХАДа он, кроме своих прямых обязанностей, по решению высшего партийного органа курировал связи с подпольными левыми и другими дружественными Кабулу политическими партиями и организациями стран региона. В августе 1981 года был введен в Совет обороны, в котором возглавил комиссию по связям с племенами. В ноябре 1985 года, когда в руководстве НДПА был взят курс на активное расширение социальной базы власти, он освобождается от поста главы ХАДа и назначается секретарем ЦК НДПА и ему, кроме решения других задач, поручается работа с пуштунскими племенами, от отношения которых к центральной власти всегда в Афганистане зависела внутриполитическая стабильность, безопасность и прочность режима.

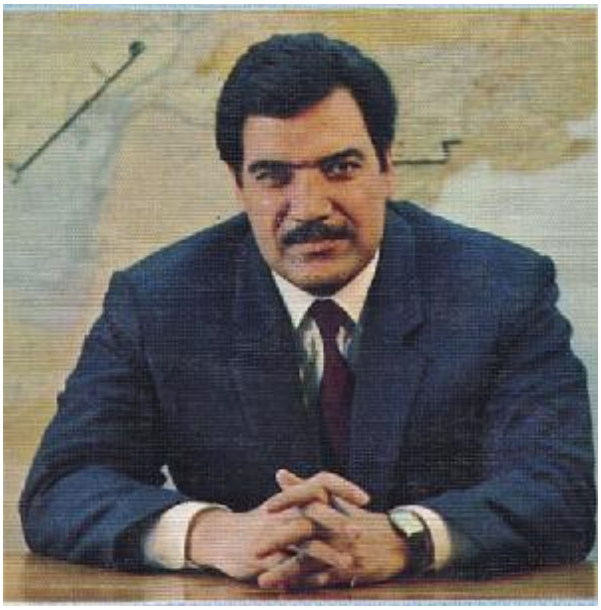
Будучи креатурой всесильного советского КГБ, он в начале мая 1986 года на 18–м пленуме ЦК НДПА избирается генеральным секретарем ЦК партии вместо ставшего неугодным Москве Б. Кармаля, Приход Наджибуллы к руководству партией и страной привел к заметному ослаблению кабульского режима. Свою роль сыграли, при прочих внутренних и внешних дестабилизирующих факторах, и его личные качества: молодость, низкий авторитет в обществе, племенная принадлежность к гильзаям (учитывая извечную неприязнь и вражду между гильзаями и дуррани), фактическое отсутствие необходимого опыта партийной и хозяйственной деятельности, отказ в поддержке со стороны значительной части его бывших соратников–парчамистов, расценивших занятие им поста лидера партии как предательство их признанного авторитета – Б. Кармаля, неприятие его (Наджибуллы) в качестве партийного и государственного руководителя со стороны второй партийной фракции – халькистов и т.п. Не увенчались успехом упорные попытки Наджибуллы привлечь на свою сторону видных халькистов-выходцев из Пактии и обрести в их лице опору в партийных и военных кругах страны.

Заняв пост главы государства и партии, Наджибулла возложил на свои плечи огромнейший груз ответственности за судьбу Афганистана и его народа. Он внес существенный личный вклад в осуществление оказавшейся, к сожалению, тщетной политики национального примирения. Однако, следует подчеркнуть, ни он сам, ни кто-либо другой из афганских руководителей не являлись ее авторами или, как повелось по политическим соображениям и по инерции писать в советской и постсоветской прессе, «ее главным творцом». Идея и содержание данной политики всецело принадлежали московским разработчикам и были санкционированы высшими инстанциями Кремля. Афганской стороне лишь оставалось быть не более чем ее простым исполнителем.

1 октября 1987 года он стал председателем Революционного совета ДРА – высшего органа государственной власти, а 30 ноября, в соответствии с новой конституцией, избран Лоя джиргой президентом страны.

После вывода советских войск из Афганистана президент Наджибулла сумел мобилизовать имевшиеся в его распоряжении военные, материальные и людские ресурсы и дать достойный отпор массированному наступлению вооруженной оппозиции, предпринятому при поддержке и с благословения правящих кругов Пакистана, США, Саудовской Аравии и некоторых других стран для свержения «кабульского коммунистического режима». Параллельно с использованием силы Наджибулла выступил с серией инициатив по мирному разрешению афганского кризиса. Он, пойдя на значительные уступки, поддержал план ООН по умиротворению страны. Однако его чрезмерная политическая уступчивость перед несговорчивой вооруженной оппозицией в конце концов переросла в безоговорочную капитуляцию и демонтаж шаг за шагом всего того, что было связано с НДПА и что обеспечивало определенный баланс сил двух основных противоборствующих лагерей в Афганистане. Такого рода политика сдачи одной позиции за другой не

была понята и принята значительной частью высшего партийного и государственного руководства, в частности членами политбюро ЦК НДПА Фаридом Ахмадом Маздаком, Наджмуддином Кавьяни, Абдул Вакилем, видными деятелями из крыла Хальк.



Президент РА М. Наджибулла (1988 г.)

В марте 1990 года против Наджибуллы был поднят мятеж, возглавленный халькистом, министром обороны Ш.Н. Танаем. Хотя президенту и удалось довольно-таки легко подавить выступление мятежников, однако с этого времени из его рук неумолимо стал уходить контроль над ситуацией на подвластной Кабулу территории. Ему не помогли ни его торопливые открещивания от прошлого НДПА и, как он выражался, «навязанных ей чуждых теорий», ни категорическое осуждение им ввода советских войск в страну, ни реформирование правящей партии и создание в июне 1990 года вместо марксистски идеологизированной НДПА национально-патриотически и религиозно ориентированной Партии Отечества, председателем которой он был избран.

Кабул. Президентский дворец (парадный въезд).

Кризис режима Наджибуллы достиг своего апогея весной 1992 года, когда российское ельцинское руководство отказало ему в поставках, наряду с оружием, и продовольствия и Кабул оказался на грани массового голода и когда в непосредственном окружении президента разногласия начали разрешаться с помощью пистолета. Их жертвой явился один из самых преданных Наджибулле людей министр государственной безопасности Гулям Фарук Якуби. Из подчинения президента вышел обширный север страны, где образовалась антинаджибовская автономия во главе с генералом А.Р. Дустомом. Утратив власть, Наджибулла попытался бежать из страны на зафрактованном ООН самолете, но был задержан узбекскими ополченцами А.Р. Дустома. Через несколько дней в столицу вошли моджахеды и провозгласили Исламское Государство Афганистан. Экс-президент Наджибулла, воспользовавшись неприкосновенностью учреждений ООН, укрылся (как оказалось позднее – на годы) в здании миссии ООН в Кабуле. Вместе с ним остались его брат, генерал Ахмадзай, начальник канцелярии президента Тухи и начальник личной охраны Джафсар. Несколько лет спустя Тухи и Джафсар с согласия Наджибуллы покинули его и выехали в Индию.

27 сентября 1996 года талибы после захвата столицы, нарушив неприкосновенность представительства ООН, схватили Наджибуллу вместе с его братом Ахмадзаем, жестоко избили и повесили обоих перед въездом в бывший королевский дворец, где Наджибулла в течение шести лет (1986–1992 гг.) исполнял обязанности главы государства.

Последние трагические часы и минуты жизни Наджибуллы ярко высветили блестящие незаурядные черты его натуры. Оказавшись в руках озверевших от крови талибов и их покровителей – пакистанских спецслужб, он проявил во всей полноте присущие ему твердость воли и духа, величайшие мужество и самоотверженность. Он не выбросил белый флаг перед его противниками, чтобы сохранить себе жизнь в обмен на предательство. К этому его намеревались склонить прибывшие в афганскую столицу с тайной миссией бывший глава Главного штаба сухопутных сил Пакистана и один из руководящих деятелей пакистанской военной разведки, генерал Аслам Бек и его брат, тоже кадровый разведчик. Они предложили Наджибулле подписать договор, исполненный на фирменном президентском бланке и датированный периодом пребывания Наджибуллы у власти в качестве президента страны, в котором он (Наджибулла) признавал «линию Дюранда» государственной границей между Афганистаном и Пакистаном. Замысел был чудовищным: убив Наджибуллу, сделать его на веки вечные предателем пуштунов, поскольку (и это следует еще раз подчеркнуть) в сознании последних вопрос о непризнании «линии Дюранда» границей между двумя соседними государствами всегда после 1893 года был и остается мерилом подлинного патриотизма и показателем приверженности идее пуштунизма.

Разумеется, Наджибулла, как истинный патриот своей родины и пуштун по национальной принадлежности, не мог пойти на такой шаг. «В самый страшный свой час, – писал о нем известный российский ученый-востоковед, большой знаток Афганистана В.Н. Пластун, – он нашел силы не предать ни Афганистан, ни свой народ, ни себя. Пустив в ход свою недюжинную силу, благодаря которой за ним еще с юности закрепилась кличка "Бык", он сумел разметать охрану, отнять у одного из офицеров пистолет и убить (либо тяжело ранить) брата Аслам Бека. Последующее было кошмаром. Он перенес страшные пытки, но сломлен не был. Жуткая казнь, потрясшая даже его врагов, возмутившая всех афганцев, по какую бы сторону баррикад они ни были, подвела черту под его жизнью, под дьявольским планом Исламабада и, по большому счету, под политическим курсом Пакистана к северу от «линии Дюранда».

Наджибулла, безусловно, был умным, хитрым, сильным, а порой и весьма жестким политиком. Его отличали цельность натуры, глубокая убежденность в правильности избранного им жизненного и политического пути, приверженность национальным традициям и исламским ценностям, стремление всегда и во всем быть с народом, а не над ним. Глубоко и всесторонне зная свою страну и ее специфику, он умел трезво и во многом

прозорливо оценивать сложную военную и политическую обстановку внутри и вокруг Афганистана и принимать взвешенные решения. Он был человеком большой культуры и прекрасным оратором. Ему были присущи уважительное отношение к подчиненным, доступность, умение слушать и понимать собеседника, подчеркнутая восточная вежливость, тактичность и предупредительность, простота в общении с окружающими, личное мужество и готовность пойти на самопожертвование во имя своих идеалов. Вместе с тем ему были свойственны излишняя эмоциональность и горячность в суждениях и поступках и, как политическому деятелю, определенная склонность к интриганству.

Наджибулле нельзя отказать в искренности дум и намерений принести мир и безопасность на афганскую землю. Однако его стратегические расчеты умиротворить страну за счет принесения в жертву НДПА и политической системы, стержнем которой она являлась, оказались порочными и заведомо не дальновидными. Устранение из миротворческого процесса НДПА, как влиятельной политической силы, которая могла бы стать реальным противовесом оголтелому религиозному экстремизму, направило развитие событий в Афганистане по наиболее трагическому, сомалийскому, варианту. Страна была ввергнута в кровавую бойню, несравненно более жестокую, чем это было прежде. Прямую ответственность за это несут дерущиеся за власть в стране различные, поддерживаемые извне группировки моджахедов и их зарубежные покровители. Но определенная доля исторической вины за продолжение трагедии афганского народа лежит и на Наджибулле, упустившему из рук один из возможных шансов к подлинному миру. Личная трагедия Наджибуллы, как политического деятеля, заключалась в том, что он был подло и многократно предан своими бывшими внутренними и внешними друзьями (см. об этом подробнее в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана»).

Наджибулла, кроме родного пушту и дари, владел английским языком. Был женат и имел трех дочерей. Жена Фаттана Гилани связана родственными узами с династией, правившей в Афганистане в первые три десятилетия XX в. С 1992 года она и ее дочери проживают в индийской столице [1].

Афганский левый режим после Б. Кармаля

Выбор Наджибуллы на пост главы партии и государства не был безальтернативным. Кроме него, в то время в высшем партийно-государственном аппарате ДРА имелись не менее достойные личности (например, известный в стране поэт и видный государственный деятель Сулейман Лайек), отвечавшие всем требованиям, предъявляемым к главе государства, который был бы способен умиротворить страну. Однако за ними, к сожалению, не было поддержки всесильного советского КГБ, который в Афганистане в те годы определял, в конечном итоге, кому следует передать власть из рук опального Б. Кармаля. Надо еще и вспомнить, что в советской кадровой политике того времени принято было считать некоей непреложной истиной, что самые надежные и проверенные выдвиженцы на высшие государственные посты куются преимущественно в лоне спецслужб. В связи с этим шансы Наджибуллы стать главой афганского государства изначально представлялись гораздо более предпочтительными, чем у других лиц.

В Москве ставка на Наджибуллу, как будущего главу партии и государства, была окончательно сделана накануне XXVII съезда КПСС, состоявшегося в конце февраля – начале марта 1986 г. (хотя, истины ради следует отметить, что задуманное в московских кабинетах его продвижение по партийной должностной лестнице началось еще раньше и было сначала воплощено в решение 16-го пленума ЦК НДПА (ноябрь 1985 г.), избравшего его секретарем ЦК партии). В ходе проведения указанного съезда в центре подчеркнутого внимания со стороны высших советских лидеров был уже не Б. Кармаль, возглавлявший на съезде афганскую партийную делегацию, а ее член Мухаммад Наджибулла (см. об этом подробнее в разделе данной книги «Как снимали Б. Кармаля»). Чуть позже, в конце марта, Б. Кармаль был вызван в Москву, где ему в вежливо-ультимативной форме предложили «во имя высших интересов Афганистана» передать